

Flasi_XP

Коты-Волители

Свет угасших звезд

1 ЦИКЛ (Полнолуние)

Flasi XR

**КОТЫ ВОИТЕЛИ:
СВЕТ УГАСШИХ ЗВЁЗД**

«Автор»

2026

ХР F.

Коты Воители: Свет Угасших Звёзд / F. ХР — «Автор»,
2026 — (1 ЦИКЛ (Полнолуние))

Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации. Гора, веками служившая домом и защитой, превратилась в ледяную ловушку. С приходом аномального тепла привычный мир рушится: таяние снегов грозит затопить глубокие туннели, превращая надежное убежище в смертельную западню. Три племени, измученные голодом и внутренними распрями, оказываются перед лицом невозможного выбора: остаться и погибнуть под обломками собственного дома или отправиться в неизвестность, доверившись лишь тусклому солнцу и призрачной надежде на спасение. Но путь через заснеженные пустоши это не только борьба со стихией. Это испытание на верность, прочность уз и человечность, когда каждый шаг может стать последним, а вчерашний союзник способен превратиться в опаснейшего врага. Смогут ли остатки племен сохранить то, что делает их котами, в мире, где само небо, кажется, жаждет их исчезновения?

© ХР F., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ОЗНАКОМЛЕНИЕ	5
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Коты Воители: Свет Угасших Звёзд

ОЗНАКОМЛЕНИЕ

Свет Угасших Звёзд

ПРОЛОГ

Бесконечные дюны сияли мягким, призрачным светом, словно поверхность океана, пойманная в ловушку лунного блика. Здесь, в Звездных владениях, земля не была мертвой — она дышала, укрытая ковром серебристой травы, которая при каждом касании рождала искры, похожие на падающие звезды. Дичь, лишенная плоти и страха, бесшумно скользила сквозь эфирные заросли, являясь лишь отголоском жизни, оставшейся далеко внизу, в мире боли и холода. На вершине Звездного камня, источавшего ровное, пульсирующее сияние, замер могучий кот.

Его шерсть, густая и мускулистая, казалась отлитой из самого неба, а глаза хранили в себе спокойствие вечности. Это был Пылающая Звезда, чье имя когда-то дало начало целому племени. Рядом с ним, на пожухлой, но светящейся траве, примостился Пеплошкур — кот более мелкий, чьи движения выдавали беспокойство, несвойственное обитателям этого края.

— Я не уверен, Пеплошкур, — голос Пылающей Звезды звучал как рокот далекого грома, заставляя пространство вокруг вибрировать. — С тех пор как Племя Пылающей звезды обрело своего нового предводителя, Ярковзвезда, равновесие, которое мы так долго хранили, пошатнулось. Ночь стала гуще, холод — беспощаднее. Какова истинная причина этого упадка? Неужели наша вера в их прямоту была ошибкой? Пеплошкур поднял голову, вглядываясь в бесконечность горизонта, где сливались небо и дюны.

— Возможно, это расплата за вмешательство в законы Климата. Когда когда-то давно мы позволили племенам обосноваться здесь, в этих суровых землях, это была дерзкая идея. Земля не прощает прошлого, она лишь ждет момента, чтобы стряхнуть с себя тех, кто её оскверняет. По моим меркам, грядет великий путь. Долгий, изнурительный переход, через который племена должны будут пройти, чтобы доказать право на существование. — Что такого должно произойти? Какое испытание готовит им небо? — в глазах Пылающей Звезды промелькнуло нечто похожее на предчувствие беды.

— Племена подвергнутся ливню, — Пеплошкур вздрогнул, и сияние вокруг него на мгновение потускнело. — Не просто дождю, а стихийному потоку, который охватит всё.

— Значит... Солнце вернется? — спросил Пылающая Звезда, прищурившись. — Долгое время пройдет, прежде чем они увидят настоящий рассвет? — Племена не зря стали одним целым под сводами скал, — ответил Пеплошкур, его взгляд стал жестким. — Иначе их гордыня погубила бы их раньше срока. Да, солнце вернется, но цена за этот свет будет непомерно дорогой. Снег, что сейчас укрывает горы, начнет таять. И когда это случится, наводнение поглотит всё на своем пути. Вода начнет сочиться сквозь трещины в скалах, затапливая убежища. Если бы племя Иссушенных песков осталось в своих гиблых низинах, их бы погубили собственные пески, превратившись в смертоносную жижу. Это спасение, обернувшееся приговором. В этот момент из серебристой дымки вышла грациозная кошка.

Её шерсть была пепельно-серой, а взгляд — пугающе ясным. Это была Чешуйница. Она подошла к котам, её присутствие принесло с собой запах горного озона. — Я согласна с Пеплошкуром, — её голос прозвучал как шелест осыпающегося камня.

— Снег начнет таять стремительно. Он затопит все низины и пещеры. Может, мы предупредим их? Дадим им шанс подготовиться к тому, что скалы не станут надежным оплотом? Пылающая Звезда резко вскинул голову, и его мускулы напряглись, как стальные пружины.

— Успокойся, Чешуйница! — его приказ был подобен вспышке молнии. — Племенам не зачем знать об этом заранее. Пеплошкур опешил, его шерсть на загривке встопорщилась. — Что значит не зачем знать? Они же погибнут, если вода застанет их врасплох в узких коридорах! — Мы уже сделали больше, чем нужно, — голос звёздного воина стал холодным и оконча-

тельным. — Если мы начнем вмешиваться в их жизнь на каждом шагу, они станут лишь марионетками, куклами, не способными сохранить свою жизнь даже в самых простых условиях.

Они должны пройти через это испытание сами. Только так они станут сильнее, или же... исчезнут, доказав, что их время вышло. Чешуйница опустила взгляд, глядя в бездну, где внизу, в мире смертных, едва теплились огоньки жизнью её соплеменников. — Будем надеяться на них, — прошептала она, и в её голосе смешались скорбь и вынужденное смирение. — Будем надеяться, что те, кто привел Сломленного к спасению, найдут в себе силы выстоять перед лицом потопа. Звездные коты замолчали. На бесконечных Дюнах воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим звоном светящейся травы. Внизу, в мире камня и льда.

ГЛАВА 1

Скриполап, чья густая темно-коричневая шерсть то и дело вздыбливалась от пронизывающего горного ветра, замер на самом краю обледенелого выступа. Его янтарные глаза, отражавшие холодное сияние далеких звезд, неотрывно следили за глубоким, почти черным небом.

Оно давило своей бесконечностью, напоминая о том, насколько ничтожны те крохи жизни, что теплились здесь, в каменном чреве горы. Луна, бледная и безразличная, проливала свой призрачный свет на острые пики хребтов, словно наблюдая за агонией тех, кто некогда называл себя повелителями лесов и равнин. Ради чего? — этот вопрос пульсировал в висках Скриполапа с той же настойчивостью, с какой ледяная крупа была по его усам.

— Ради чего мы цепляемся за этот суровый гранит? Еда тает быстрее, чем первый весенний снег. Вода... её у нас в избытке, она просачивается сквозь стены, она везде, но ею нельзя утолить голод, который становится нашим единственным спутником. Если не останется дичи, то само понятие "выживание" превращается в издевательство. Смысл нашего существования стремится к нулю. Так ради чего мы собрались здесь? Трое племен, запертых в клетке из камня, где каждый знает запах голода соседа. Скриполап глубоко вздохнул, чувствуя, как морозный воздух обжигает легкие. Он не был просто воином, привыкшим к бездумному исполнению приказов. Его ум, склонный к философским размышлениям и анализу, искал скрытые закономерности в этом хаосе.

Он видел, как Лыдинная Звезда пытается сохранить лицо, как Ярковзвезд сжимает челюсти, глядя на пустеющие склады дичи, и как предводитель, Колючая Звезда, хранит молчание, скрывающее глубокое отчаяние.

Эти три племени — Племя Иссушенных песков, Племя Горного хребта и Племя Пылающей звезды — были подобны трем раненым зверям, забившимся в одну нору. Они больше не охотились, они лишь доедали остатки своего прошлого. Кот медленно опустился с камня, лапы предательски скользнули по гладкому льду, но он удержал равновесие. Его взгляд оставался прикованным к темной выси, словно он надеялся увидеть там знак, ответ или хотя бы искру понимания. Скриполап выглядел изможденным, его плечи были опущены, а шаги выдавали крайнюю степень усталости. Это был один из тех, кто до последнего верил в то, что их союз — не просто предсмертная агония, а начало чего-то нового. Теперь же в его глазах читалось лишь разочарование.

— Если ответы существуют, почему их отныне не раскроют нам? Для чего вся эта мука? Почему Звездное племя так нагло отвернулось от нас, оставив нас грызть камни и надеяться на чудо, которого не существует? Мы приносим жертвы, мы соблюдаем законы, но небо молчит, а гора лишь насмехается над нами своими лавинами. — Может быть... дело не в том, что они отвернулись. А в том, что мы перестали слышать их за шумом собственных страхов. Мы ищем спасения в прошлом, в тех временах, когда дичи было вдоволь, а солнце грело спины. Но этот мир изменился. И если мы не перестанем ждать знамений, мы станем первыми, кто исчезнет в этих снегах. Скриполап продолжал неотрывно смотреть на ночное светило, чувствуя, как ледяная стужа пробирает до самых костей, но он не двигался. В этот час, когда племена, сбившись в кучу, пытались найти хоть капельку тепла в глубинах горной породы, он был единственным, кто искал ответы не в пустых животах, а в вечности над головой. Луна бездонна... — его мысли текли тягуче, как застывающая смола.

— Она молчалива, безучастна, холодна. Она — верховный хранитель секретов, погребенных под слоями времени, тех истин, что надежно укрыты от нашего суетного, мелкого взора. Сколько воителей смотрело на этот диск до меня? Сколько предводителей молило её о знаке в моменты голода, подобных нынешнему? Но она лишь хранит молчание, равнодушно взирая на то, как наши жизни гаснут, словно искры в зимнем лесу. Он прищурил свои янтарные глаза, в

которых отражался серебристый свет. Его разум, привыкший во всем искать причинно-следственную связь, отказывался принимать этот свет как благословение. Для Скриполапа лунный свет был лишь бледной насмешкой, тусклой копией истинного тепла. Для чего ты, Луна, стоишь посреди ночного неба? — беззвучно вопрошал он, обращаясь к равнодушному диску.

— Что заставляет тебя занимать это место, словно тирана, захватившего власть над тьмой? Почему ты стиснула солнце, похитив его жар и оставив нам лишь этот призрачный, обманчивый блеск? Ты крадешь свет, дробишь его и бросаешь нам, словно подачку с барского стола, отражая то, что дарует солнце, но не неся в себе самой жизни. Ты — лишь зеркало, лишённое искры, символ нашей зависимости от того, что мы потеряли. Скриполап тяжело вздохнул, и облачко пара долго висело в неподвижном морозном воздухе. Весь этот порядок вещей казался ему глубоко несправедливым. Звездное племя в его представлении всё больше напоминало безразличных наблюдателей, которые, как и эта луна, лишь отражали чужую волю, не имея возможности или желания что-то исправить в мире, который рушился прямо на глазах у его обитателей. Он медленно оторвал взгляд от неба.

Острота осознания собственной беспомощности резала сильнее, чем горный ветер. Скриполап повернулся и, не оглядываясь, побрел к узкому лазу, ведущему в недра горы. С каждым шагом по обледенелому камню его когти скребли поверхность, издавая сухой, неприятный звук, который отдавался эхом в его собственной голове. По мере погружения в туннель, холод внешнего мира сменялся спертым, тяжелым запахом двенадцати существ, лишённых надежды. Впереди, в глубине пещер, слышалось мерное, тяжелое дыхание спящих или тех, кто пытался ими притвориться. Скриполап знал, что внизу его ждет та же гнетущая реальность: запах голода, затаившийся страх перед завтрашним днем и бесконечные перешептывания тех, кто всё еще ждет знака свыше. Но теперь, неся в себе этот горький вопрос к небу, он чувствовал себя чужим среди своих. Он начал осознавать, что если солнце когда-нибудь вернется, то оно будет принадлежать не тем, кто ждал его, глядя на луну, а тем, кто нашел силы перестать на неё молиться.

Скриполап продолжал свой путь по извилистым лабиринтам, и каждый его шаг отдавался глухим эхом от холодных, равнодушных стен. Эти туннели были бесконечно безжизненны, пропитаны запахом сырой каменной крошки и застойного воздуха.

Туннели хранят секреты тех, кто давно потерял рассудок, блуждая здесь в поисках выхода, — размышлял он, чувствуя, как его собственные мысли, словно перепутавшиеся нити, сплетаются в тугой узел.

Они всё помнят. Каждый хрип умирающего, каждое слово мольбы, прошептанное в темноте. Но им глубоко безразличны наши судьбы. Им нет дела до того, дрожит ли от холода племя или радуется ли котенок первому лучу — гора просто существует, поглощая нас слой за слоем. Вскоре туннель вывел его в небольшую, укрытую от сквозняков пещерку, которая служила прибежищем для тех, кто был слишком слаб для большой залы. В тусклом свете лишайников Скриполап увидел Пылинку — маленькую, темно-серую кошечку, чья шерстка казалась почти невидимой на фоне серого камня. Рядом, свернувшись плотным кольцом, лежала её мать, Пепельнолапая, чье утомленное дыхание было единственным звуком в этой тишине. Сердце Скриполапа сжалось. Он вспомнил, как часто видел здесь Чешуйницу. Она была той, кто приносил в этот мрак крупинцы тепла, кто умудрялся выкроить время для игры с Пылинкой, несмотря на все тяготы войны и голода. Теперь же, когда цена за эту *расплату* была выплачена самой жизнью, Пылинка осталась в этом сером мире, словно песчинка, затерянная в бесконечной пустыне, без своих привычных игр и без той единственной искры, что делала её детство сносным.

— Скриполап! — звонкий, полный неожиданной для этого места радости голосок разорвал тишину. Пылинка, заметив воина, сорвалась с места и бросилась к нему, спотыкаясь о собственные лапки. Скриполап, погруженный в свои тягостные раздумья, не успел подгото-

виться к этому нападению. Он подался вперед, опускаясь на уровень глаз котенка, и их взгляды встретились. Янтарные глаза воина, видевшие смерть и холод, столкнулись с ясными, полными доверия глазами ребенка. — А где Чешуйница? — спросила Пылинка, и её хвост радостно дернулся. — Она обещала! Она обещала, что сегодня мы будем играть в охоту!

Внутри Скриполапа развернулась немая борьба. Мысли метались, словно загнанные звери.

Наивный котенок, который вот-вот станет оруженосцем, — думал он, чувствуя, как внутри него растет тяжелый ком горечи. — Что делать? Ломать её детское мировоззрение, вбивая в него жестокую правду о том, что Чешуйницы больше нет и никогда не будет? Или обмануть, сказав, что она занята делами племени? Оба варианта отвратительны. Куда бы ты ни пошел, какой бы путь ни выбрал — ты всё равно останешься виноватым перед этим маленьким существом, которое просто хочет немного света.

Он понял: правда — это нож, который он не имел права вкладывать в лапы котенка прямо сейчас. Но и ложь была ядом. В этот момент Скриполап осознал, что мудрость — это не только знание истины, но и умение дозировать её, чтобы не превратить жизнь в пепелище. Он выбрал мягкое отступление, самый щадящий путь из всех возможных. — Понимаешь, Пылинка... — начал он, стараясь, чтобы его голос звучал ровно и успокаивающе, несмотря на ледяную дрожь в душе.

— Чешуйница сейчас находится недалеко, совсем рядом. Она очень хотела прийти, но она ушла на свою важную Миссию, которую может выполнить только она. Она обязательно с тобой поиграет, как только вернется, но сейчас тебе нужно быть сильной и подождать её.

Скриполап медленно, почти невесомо провел носом около её бархатистого ушка, вкладывая в этот жест всё утешение, на которое был способен. Пылинка замерла, прислушиваясь к его словам, и в её глазах мелькнуло понимание, смешанное с детской гордостью за *важную миссию* подруги. Она еще не знала, что эта миссия не имела обратного пути, и Скриполап молил Звездное племя о том, чтобы эта правда пришла к ней как можно позже, когда она станет достаточно взрослой, чтобы пережить её без надлома.

Когда Скриполап медленно отодвинулся от крошечного ушка Пылинки и расправил свои широкие темно-коричневые плечи, его взгляд на мгновение зацепился за неровные, холодные своды пещеры.

Внутри него, вопреки привычной суровости и масштабности мышления, зашевелилась неожиданная, но кристально чистая мысль.

Зачем оставлять котенка один на один с этой удушающей, серой тоской каменного плена? Простая вылазка, даже самое маленькое путешествие по безопасным закоулкам лагеря, не просто развлечет Пылинку — она поможет ей вдохнуть каплю жизни, расширить ее кругозор, пока стены окончательно не зажали ее детство в тиски. Это будет полезно для ее разума, который вскоре должен будет приспособиться к суровому быту оруженосца. — Не хочешь немного поиграть... или просто осмотреться вокруг, Пылинка? — тихо, но с отчетливой мягкостью в голосе предложил Скриполап, прищулив свои янтарные глаза. Пепельнолапая, до этого лежавшая неподвижно, мгновенно подобралась. В ее усталых глазах вспыхнул извечный, обостренный до предела материнский инстинкт. Она потянулась вперед, загораживая лапой взбудораженного котенка, и ее голос прозвучал с натянутостью лопнувшей жилы: — Она еще слишком мала, Скриполап. Ты уверен, что ей вообще можно уходить с моего поля зрения? В этих туннелях легко затеряться, а сейчас здесь бродят чужаки.

Скриполап понимающе кивнул, ничуть не удивленный такой реакцией.

Он видел насквозь эту скрытую тревогу. То, что мать до безумия волнуется за свою единственную дочь — это было не просто нормально, это было единственным логичным проявлением любви в их расколотом мире. Особенно теперь, когда три племени согнали свои остатки

в одну скалу, когда голод истощал терпение, а воздух между воинами был напряженными до предела. В таких условиях каждый незнакомый шорох казался угрозой.

— Я уверен, Пепельнолапа, — спокойно ответил Скриполап, удерживая ее взгляд, чтобы передать свою твердость. — Я буду следить за ней глаз да глаз. Мы не уйдем далеко, она будет буквально в паре хвостов отсюда.

У Пылинки от этих слов глаза аж засверкали, как две далекие, чистые звезды, чудом спустившиеся в подземный мрак. На ее заспанной мордочке отразился такой дикий, безумный восторг, какого эти серые стены не видели уже много дней. Ей было безумно интересно узнать, каково это — просто осматриваться вокруг, исследовать пространство за пределами их тесного, пахнущего сыростью семейного гнезда. Для нее лагерь сейчас казался огромным, полным тайн миром.

Пепельнолапая долго всматривалась в лицо темно-коричневого воина, ища в нем малейшие признаки легкомыслия, но Скриполап, как всегда, излучал абсолютную, тяжелую ответственность. Наконец, кошка тяжело вздохнула и медленно убрала лапу.

— Хорошо, — тихо уступила она, утыкаясь носом в макушку дочери. — Только недолго, договорились? Я могу тебе доверять, Скриполап, я знаю это. Но... я бы на твоём месте держала ее настороже перед другими племенами. Горные коты высокомерны, а воины Иссушенных песков сейчас слишком раздражены из-за своего перехода. Кто знает, что у них на уме.

— Ее никто не тронет. Я обещаю тебе это, Пепельнолапа, — отрезал Скриполап. Это не было пустой клятвой — его масштабный ум уже просчитывал маршруты так, чтобы не пересекаться с патрулями Скорпиона или высокомерными взглядами глашатая Лыдиной Звезды. Он был готов защищать этого котенка ценой собственной шкуры.

Повернувшись к замершей от нетерпения малышке, Скриполап едва заметно улыбнулся одними уголками губ: — Ну что, пошли, Пылинка? Я покажу тебе здешние интересные места. Покажу, что такое настоящий светящийся мох, как он собирает в себе блеклый свет земли, и мы придумаем какие-нибудь игры с тенями на стенах.

— Давай! Быстрее, пошли! — звонко выпалила Пылинка, подпрыгнув на месте. Ее серый хвостик задрожал, а лапки закопошились по каменному полу. Вся ее маленькая фигурка буквально заиграла предвкушением чуда, и этот живой огонек на мгновение разогнал вековую тьму безжизненного туннеля.

Скриполап уверенно ступал по жесткому, холодному камню, его лапы двигались бесшумно, точно выверенно. Он шел первым, время от времени замедляя шаг, чтобы убедиться, что маленькая темно-серая фигурка Пылинки не отстает. Котенок семенил следом, с опаской озираясь по сторонам, словно ожидая, что привычные серые стены вот-вот преподнесут неприятный сюрприз. — Никогда не была так... так... так недалеко от мамы, — прошептала Пылинка, и в ее голосе отчетливо слышался трепет, смешанный с первым в ее жизни вкусом настоящей свободы.

Скриполап слегка обернулся, его янтарные глаза смягчились, когда он взглянул на Пылинку.

— Она беспокоится за тебя лишь потому, что хочет обезопасить, Пылинка, — ответил он ровным, внушающим спокойствие тоном. — В нынешние времена, когда племена сбиты в одну кучу, а еды становится всё меньше, такая осторожность — единственное, что отделяет нас от катастрофы.

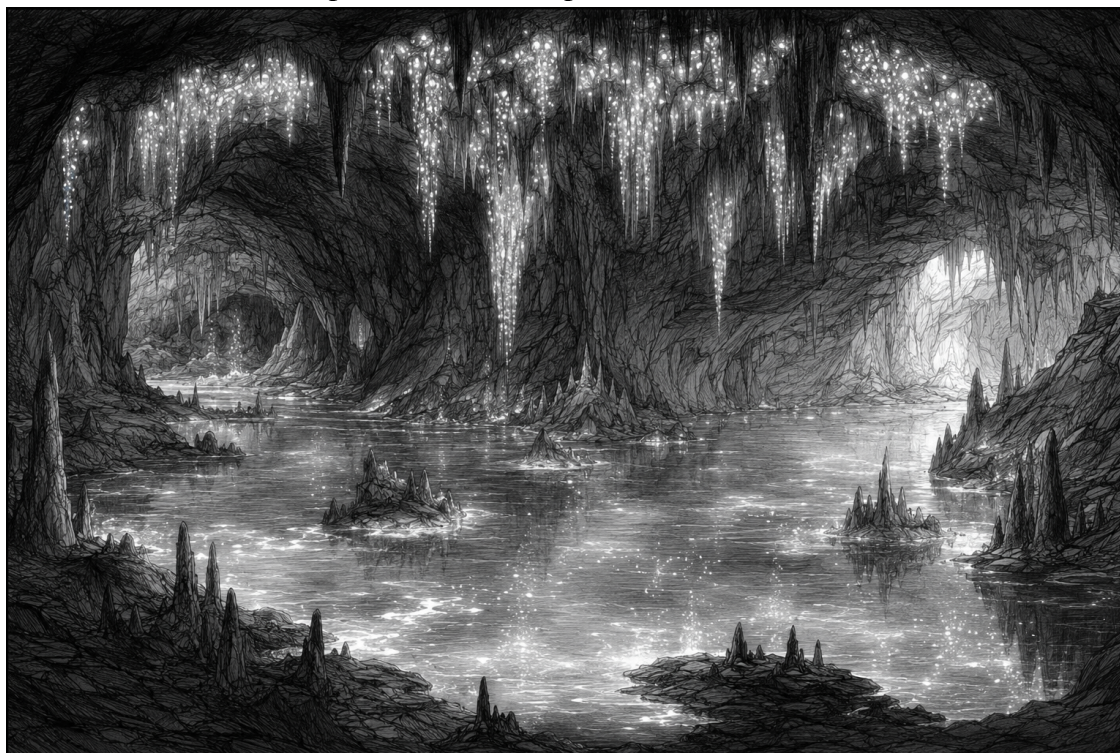
— Я знаю, — неохотно пробормотала Пылинка, ее ушки виновато прижались к макушке. — Но сидеть в одном и том же месте, изо дня в день, — это таааак скучно... Здесь так мало пространства, мне хочется увидеть что-то еще!

— Я прекрасно тебя понимаю, — ответил Скриполап, и в его голосе проскользнуло нечто похожее на затаенную грусть. — Именно поэтому я решил, что тебе жизненно необходимо

немного развеяться и прогуляться. Иногда даже воину нужно увидеть что-то, кроме серых туннелей, чтобы не потерять рассудок.

Скриполап легко, почти без усилий запрыгнул в небольшое отверстие в стене, которое вело в другую часть пещеры. Пылинка, собравшись с духом, аккуратно последовала за ним, цепляясь когтями за выступы камня. Когда они выбрались с другой стороны, котенок замер на месте, издав короткий, восторженный выдох.

— Ого... — прошептала она. Перед ними, в естественном углублении горы, раскинулось небольшое, но невероятно глубокое озеро. Высоко под потолком, словно ночное небо, густо разросся светящийся мох; его холодное, голубоватое сияние отражалось в зеркальной глади воды, где также мерцали какие-то подводные организмы. Вода казалась настолько кристально чистой, что каждый камушек на дне выглядел как драгоценность. Пылинка расширила свои голубые глаза, не в силах оторваться от этого зрелища.

Фрагмент из фанфика: Бушующая Луна

— Ого... ТУТ ТАК КРАСИВО! — искренне, во весь голос воскликнула она. Скриполап наблюдал за ее реакцией, и внутри него шевельнулось странное чувство. Она будто видит перед собой нечто невозможное, чудо, которого не существует в нашем мире, — подумал он. — Но этот момент останется с ней навсегда, как бы тяжело нам ни пришлось в будущем.

Он осторожно двинулся к кромке воды, подавая Пылинке знак следовать за собой, но делая это с предельной осторожностью. — Не подходи слишком близко, Пылинка, — предупредил он. — Камни у этого озера коварны и непредсказуемы. Они вечно влажные, покрыты ледяным налетом, и если ты соскользнешь, нам придется не просто купаться в ледяной воде, но и в спешке вытаскивать тебя обратно. Пылинка, завороженная блеском, лишь на шаг приблизилась к краю, боясь нарушить магию момента. В этот миг из тени, падавшей от ближайшего сталагмита, выступила фигура.

— Ты, Скриполап, решил устроить здесь персональную экскурсию по Озеру? — раздался холодный, ироничный голос.

Скриполап обернулся и увидел Песчаника — белоснежного кота с холодными, бледно-желтыми глазами, чье появление было таким же бесшумным, как и сама тьма пещеры.

— А сама Пепельнолапая знает, что ее дочь здесь бродит? — продолжал Песчаник, подозрительно прищурившись. — Было бы крайне неприятно, если бы она обнаружила пропажу и подняла тревогу.

Скриполап выпрямился, не показывая своего беспокойства.

— Привет, Песчаник. Да, она в курсе, — отрезал он, стараясь говорить максимально уверенно. — Я заранее оповестил ее, что мы не будем заходить далеко. Пылинка внезапно поёжилась, почувствовав на себе тяжелый взгляд незнакомца. Ей совсем не хотелось расстраивать маму, тем более из-за такой прекрасной прогулки. Она понимала, что если Пепельнолапая узнает правду о том, насколько опасно они подошли к воде, последует строгий выговор. Но в то же время, она смотрела на Скриполапа с немим обожанием — ведь только благодаря ему она сейчас видела эту неземную красоту.

Тут просто сказка, — думала Пылинка, глядя на мерцающее озеро, — и никакой страх перед маминым гневом не сравнится с этим светом.

Скриполап, сохраняя предельную осторожность, опустил на суставы, балансируя на краю обледелой каменной плиты. Поверхность воды в озере была неподвижна, словно застывшее черное зеркало, лишь изредка по ней пробегала слабая рябь от далеких подземных потоков. Внимательно выбрав участок, где мох рос наиболее густо и ярко, он плавно погрузил лапу в кристальную воду. Ощувив холод, пронзивший шерсть до самой кожи, он резким, но аккуратным движением подцепил когтем пучок светящейся субстанции и вытянул его на поверхность. При переносе добычи на берег капли ледяной влаги неизбежно разлетелись в стороны, окропив притихшую Пылинку. Котенок вздрогнул, почувствовав, как мелкие брызги осели на её темной шерстке, но удивление мгновенно вытеснило любое недовольство — перед ней, прямо на сером камне, пульсировал мягким голубоватым светом клочок растительности. Это было маленькое чудо, добытое из глубин, казавшихся доселе неприступными.

— Ого! Это... мох? — прошептала Пылинка, не отрывая взгляда от загадочного свечения. Её голос дрожал от восторга, а в расширенных зрачках отражался фосфоресцирующий блеск.

— Светящийся, — негромко добавил Песчаник, который до этого момента внимательно наблюдал за действиями Скриполапа, оставаясь в тени.

Белоснежный кот сделал несколько грациозных шагов и опустил на камни рядом со Скриполапом, его желтые глаза внимательно следили за реакцией котенка, словно он взвешивал, стоит ли доверять этому моменту хрупкого мира.

Пылинка, забыв об осторожности, робко протянула свои маленькие лапки к мху. Когда её подушечки коснулись влажной поверхности, она ощутила странную вибрацию и холодное покалывание. Увидев, как свет усиливается от её прикосновений, она тихонько рассмеялась — звук этого искреннего смеха показался Скриполапу самым важным событием за весь долгий, голодный цикл их пребывания в этой горе.

— Красиво, правда? — Скриполап слегка склонил голову, наблюдая за тем, как Пылинка увлеченно играет с *сокровищем*. — Красиво, — повторила Пылинка, и её взгляд стал мечтательным. — Он так светится... словно кусочек звезды упал прямо к нам в туннели. В этот момент Скриполап осознал, что такая минутная передышка была необходима не только котенку. Песчаник, сидящий рядом, больше не выглядел как подозрительный страж; его поза стала чуть менее напряженной, а взгляд, устремленный на мерцающий мох, казался непривычно задумчивым. Скриполап продолжал сидеть рядом с Пылинкой, наблюдая за тем, как маленькая серая фигурка с восторгом перекатывала светящийся мох по неровной каменной поверхности. Он глубоко задумался, пытаясь придумать новое занятие, но его мысли раз за разом упирались в монотонную реальность: камни, везде одни камни, покрытые холодным налетом и лишайником.

Однообразие горного заточения было угнетающим, и Скриполап отчетливо осознал, насколько скудным и серым было окружение для растущего котенка. Если бы я сам был сейчас котенком, — меланхолично размышлял он, глядя на суровые своды, — я бы, наверное, просто зачах от тоски среди этих бесконечных скал. Жизнь здесь — это не жизнь, это ожидание конца в каменной клетке. Он чувствовал тяжесть ответственности за Пылинку, понимая, что его долг — подарить ей хоть мгновение интереса, вырвав из цепких лап скуки. Песчаник, всё это время наблюдавший за парой с выражением странного, почти довольного интереса, вдруг нарушил тишину:

— А что теперь делать будете? В какую сторону повернете свои лапы? — спросил он, прищурив бледно-желтые глаза.

Скриполап, чьи идеи иссякли под гнетом окружающей серости, на мгновение растерялся. Он посмотрел на Песчаника, ища в его вопросе подвох, но в голове была лишь пустота, лишенная конкретных планов. Однако, собрав остатки своей врожденной ответственности и привычки мыслить масштабно, он быстро нашел ответ, который оправдал бы их пребывание вне безопасного гнезда матери.

— Возможно... мы займемся исследованием туннелей, — ответил Скриполап, стараясь придать своему голосу уверенности. — Котятам жизненно важно знать местность, изучать лабиринты этой горы. Это не просто игра, это подготовка к будущему, в котором им придется выживать, когда мы станем лишь тенями.

Песчаник на мгновение замер, переваривая услышанное. На его морде отразилась смесь скепсиса и понимания.

— Значит, так... Понятно, — коротко ответил он, не став развивать тему, и развернулся, чтобы скрыться в темноте коридора, покидая пещеру.

Скриполап снова перевел взгляд на Пылинку, которая с любопытством ждала следующего действия.

— Пошли, Пылинка. Я покажу тебе, что находится за пределами этой пещеры, где начнутся основные пути и какие опасности они скрывают, — сказал он, поднимаясь на лапы.

— Пошли! — с готовностью воскликнула Пылинка, ее глаза снова загорелись в предвкушении новых открытий.

Они оба направились к выходу из пещеры, оставляя позади мерцающее озеро. Впереди их ждали лабиринты, которые, как знал Скриполап, помнили слишком много секретов и были равнодушны к судьбе тех, кто пытался в них выжить.

Скриполап понимал, что эта экскурсия — не просто развлечение, а его способ помочь котенку обрести хоть какую-то опору в мире, где само существование племён висело на волоске.

Скриполап с Пылинкой покинули обжитую пещерку и погрузились в тишину извилистых коридоров. Тень от темно-коричневого воина ложилась на холодные стены, становясь верным спутником в этом путешествии.

— Пылинка, помни: от меня ни на один хвост не отходить и будь всегда рядом, — строго, но с нотками заботы произнес Скриполап. — Тут туннели запутаны, в них очень легко потеряться. — Хорошо, хорошо, — послушно отозвалась Пылинка.

Скриполап невольно отметил её поведение: Мыслит как взрослая. Другой бы котенок на её месте начал возмущаться или требовать свободы, а она ведет себя рассудительно, — подумал про себя Скриполап. Они продолжили путь по пространственному туннелю, минуя пещеры, где отдыхали воины Племена Горного хребта.

Вскоре Скриполап остановился перед входом в новую полость и, махнув хвостом, прислушался к ощущениям. Воздух здесь стал другим — резким и колючим.

— Веет холодом... Плохое предчувствие, — прошептал Скриполап, переводя взгляд на Пылинку. — Пойдем посмотрим, что там?

— Давай, — уверенно ответила Пылинка, и они переступили порог.

Внутри царила густая тьма, пронизанная ледяным сквозняком, создающим ощущение, будто сквозь скалу просачивается сама зимняя стужа. Внезапно из темноты раздался глухой голос:

— Тень! Приветствую тебя. — Я Скриполап, — отозвался воин. Из темноты на свет показался Камнегрыз.

Увидев гостей, он удивленно воскликнул: — Ого! Чего надо? — Осваиваем местность с Пылинкой, — пояснил Скриполап, чувствуя, как морозный воздух пробирает до костей. — Почему тут веет таким холодом? Пылинка осторожно выглянула из-за спины своего защитника, с любопытством разглядывая Камнегрыза. Тот помрачнел:

— Ого... Ну... тут такая проблема приключилась. — Какая? — напрягся Скриполап. — Когда я зашел, уже так было. Я пытался исправить, но стало только хуже, — признался Камнегрыз.

— Увидел, что камень просачивает снег, там куски снега были в щели. Я попытался заделать, но небольшой камень рухнул, и снега стало еще больше. Взгляни сам.

Камнегрыз отодвинулся, и Скриполап сделал несколько шагов вперед. Зрелище было пугающим: казалось, в скале образовалась огромная дыра, сквозь которую в пещеру вривалась метель. Снаружи виднелось темно-синее небо, где в яростном танце кружились снежинки, оседая на полу пещеры и на крупном обломке породы, который лежал прямо посреди прохода. — Ну ты молодец... — с иронией ответил Скриполап. — Не пытался камень поднять? Камнегрыз усмехнулся в ответ: — Камень? Ты серьезно? Попробуй. Я уже несколько раз пытался, хотя вряд ли у тебя получится. Он тяжелый, да и зацепить его не за что, так и валяется. Скриполап внимательно изучал валун, оценивая его. В это время Пылинка, решив исследовать странную белую пыль, сделала несколько шагов к куче снега. Она тронула лапками снежный ком, начав катать его, словно клубок мха.

Когда импровизированный мячик ударился об огромный камень, он рассыпался, оставляя лишь мокрый след на холодной поверхности.

Скриполап перевел взгляд с Пылинки на камень, а затем на бушующую за стеной метель. В его голове, склонной к масштабному мышлению, зародилась пугающая догадка: если этот камень — лишь крошечная часть защиты, а метель снаружи усиливается, то что случится с их лагерем, когда лед окончательно подтаит и *промоет* такие вот щели во всей горе?

Он подошел к камню и попробовал надавить на него плечом. Валун даже не шелохнулся.

— Нам нужно будет вернуться сюда позже, — сказал Скриполап, глядя на Камнегрыза. — И привести кого-то покрепче. Пылинка, отойди от щели, это опасно.

Пылинка послушно отступила, но её глаза всё еще были прикованы к пляшущим за дырой снежинкам. — Хотя, если честно, лучшей идеей будет немедленно оповестить предводителя, — проговорил Камнегрыз, нервно поглядывая на завывающую щель в скале. — Если этот ледяной поток начнет беспрепятственно просачиваться в основные туннели, где отдыхают наши воины, мы все сляжем с простудой прежде, чем успеем осознать масштабы бедствия.

Камнегрыз сделал шаг назад, оставляя попытки сдвинуть валун, и его шерсть на загривке слегка вздыбилась от недоброго предчувствия.

— Думаю, Ярковзвезд будет не просто не очень доволен, а в ярости, когда узнает, чьих лап это дело... и что здесь приключилось, — добавил он, виновато опустив голову.

Скриполап лишь молча кивнул, погрузившись в тяжелые раздумья. Он уже видел в своем воображении карту их лагеря, где эта пещера становилась *ахиллесовой пятой*, через которую холод, подобно невидимому врагу, мог распространиться по всей системе проходов.

— Да уж, — коротко отозвался он, чувствуя, как ледяной сквозняк начинает неприятно холодить кончики его ушей. — Я сам пойду к нему, — решительно заявил Камнегрыз, переминаясь с лапы на лапу. — В конце концов, это я своей неуклюжестью невольно расширил

это отверстие, и я обязан нести ответственность за последствия. Не дожидаясь ответа, Камнегрыз поспешно выскользнул из пещеры, быстро скрывшись в глубине темных туннелей. Скриполап остался один на один с Пылинкой, и теперь, когда шум голосов стих, свист ветра за стеной показался ему еще более угрожающим. — Пошли, Пылинка, — твердо сказал Скриполап, подходя к котенку. — А то простудишься еще, а в нынешние времена болезнь — это почти приговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.